

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА

1951

ЛЕНИНГРАД

А. П. Окладников

КОНЬ И ЗНАМЯ НА ЛЕНСКИХ ПИСАНИЦАХ

В долине р. Лены на священных в прошлом для ленских бурят скалах у дер. Шишкино имеются многочисленные древние изображения различных времен. Одна из самых обильных и богатых по содержанию хронологических групп шишкинских наскальных изображений относится к тому времени, когда в верховьях р. Лены жила древняя тюркоязычная народность, занимавшаяся скотоводством и земледелием, знакомая с фонетическим письмом, пользовавшаяся руническим шрифтом орхоно-енисейского типа.

Народ этот (по всем признакам курыканы орхонских надписей, гулигань или кули китайских летописей, кури или фури восточных писателей) достиг уже достаточно высокой ступени общественного развития.

Ленские писаницы бросают определенный свет и на эту сторону его жизни.

Остановимся на двух примерах — рисунках лошадей и знамен, на которые мне уже приходилось попутно указывать в первом томе «Истории Якутии с древнейших времен», изданном в Якутске. Здесь эту интересную тему мы можем развить подробнее и обстоятельнее, как она этого и заслуживает.

Лошади шишкинских писаниц курыканского времени имеют на голове роскошный, расширенный кверху начельник — в виде султана из перьев или волос. С узды свисает столь же пышная подшейная кисть, или науз. В некоторых случаях подобные кисти видны и под брюхом коня. Они, должно быть, спускаются с седла или чепрака.

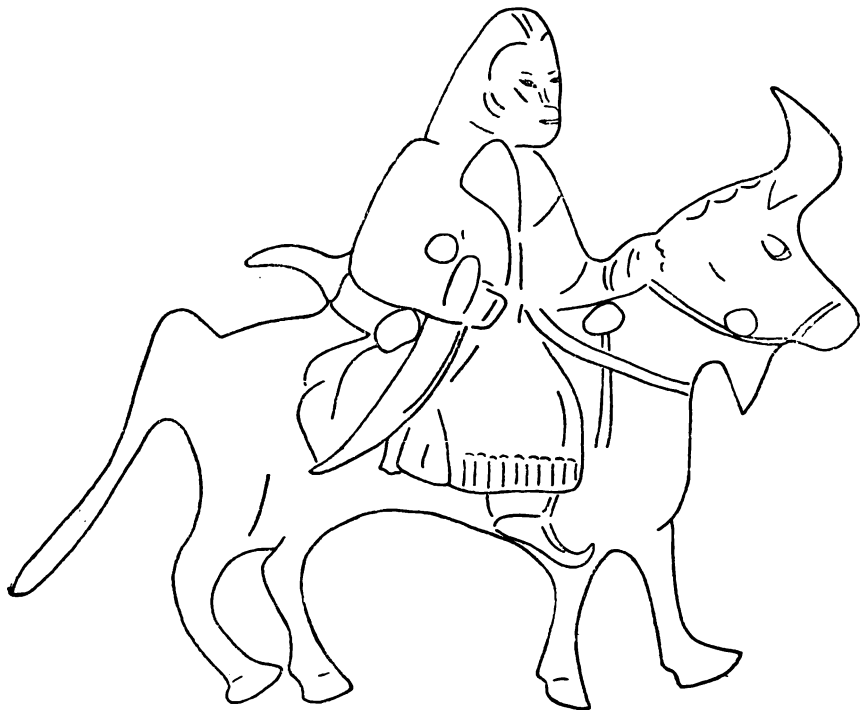
Такой пышный конский убор хорошо известен по одновременным археологическим памятникам иного рода — металлическим плоским фигуркам из Минусинского края¹ и Забайкалья. На фигурке, найденной в долине р. Чикоя, «конь украшен красивой сбруей: на нем одета узда, снабженная подшейной кистью и налобным султаном. Эта подшейная кисть — характерное украшение для праздничного центрально-азиатского убранства».²

¹ В. П. Левашова. Из далекого прошлого южной части Красноярского края. Красноярск, 1939, стр. 68, табл. XVI, рис. 14.

² П. С. Михно и Б. Э. Петри. Чикойский всадник. Труды Секции археологии РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 225.

Образцы подобных украшений обнаружены также и в могильниках данного времени на территории Восточной Европы. В Салтовском могильнике найдено погребение коня «с серебряным головным убором в виде умб с трубкой для насадки султана»; в других случаях трубка для султана была бронзовой, золоченой.¹

Вообще же, однако, эта подшейная кисть, как указывал еще В. В. Стасов в своем исследовании о катакомбных фресках из Керчи, появляется

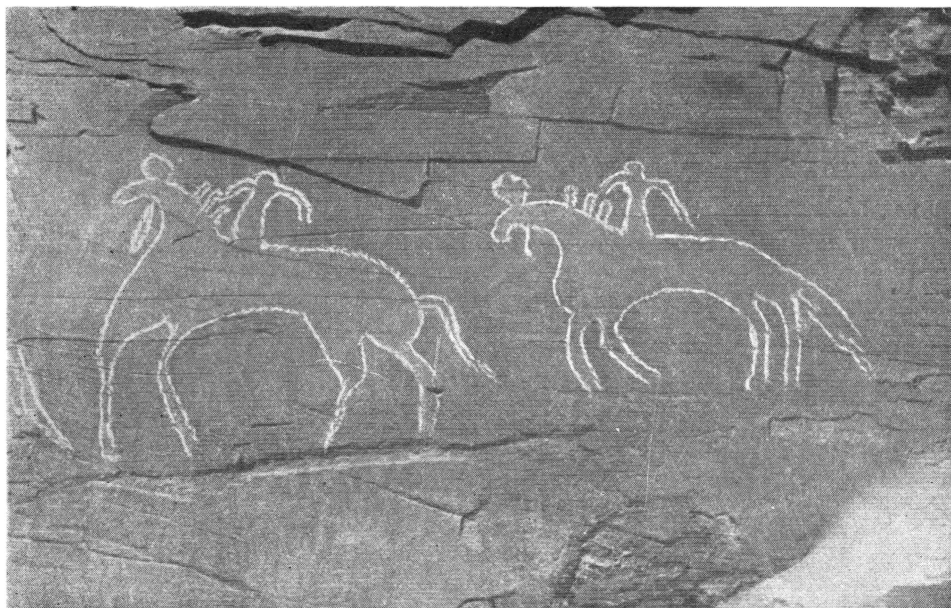

Изображение всадника, найденное на р. Чикое Бурят-Монгольской АССР.
(По рисунку П. П. Хороших).

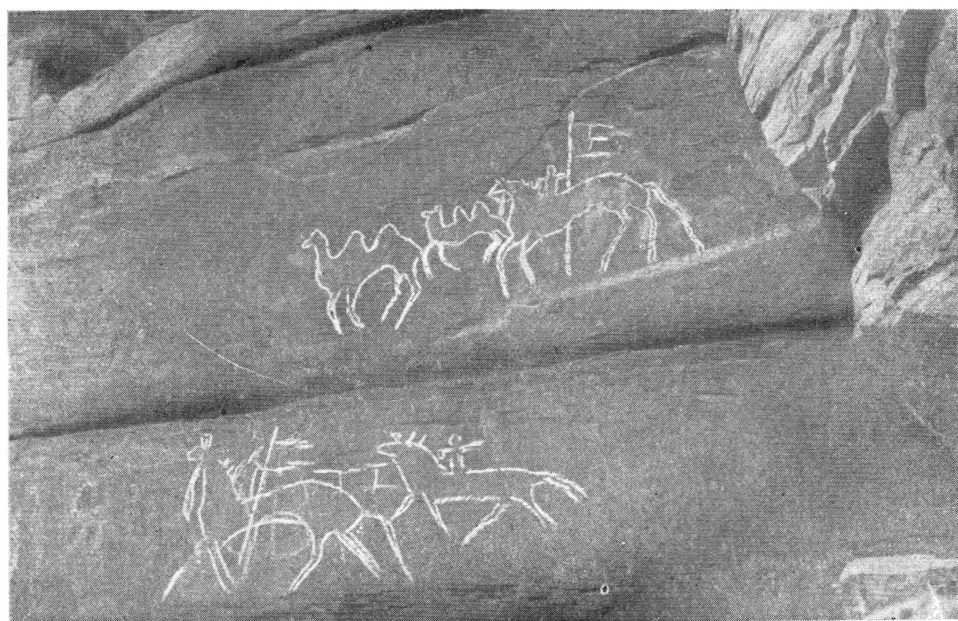
очень редко на Западе и часто на Востоке. «Пантикапейцы, — пишет он, — следовали здесь опять-таки азиатским преданиям: уже в древнейшие времена ассирийские кони носили подобные украшения и точно такие же кисти привешивались под морду у коней разных азиатских народов, изображенных на памятниках искусства и которых определить теперь уже невозможно. Во времена после рожд. Хр. мы видим подобные же кисти на конях именитых сасанидов».²

¹ В. Бабенко. Памятники хазарской культуры на юге России. Труды XV Археологического съезда в Новгороде 1911 г., т. I, М., 1914, стр. 454, 472, 474; он же. Дневник раскопок в Верхнем Салтове, произведенных в 1905—1906 гг. Труды XII Археологического съезда, М., 1907, стр. 390.

² A. Zakharow and W. Agendt. *Studia Levedica. Archaeologia Hungarica*, XVI, 1934, рис. 26; В. В. Стасов. Катакомба с фресками, найденная в 1872 г. близ Керчи. Отчет Археологической комиссии за 1872 г., СПб., 1875, стр. 306; Собрание сочинений В. В. Стасова, 1847—1848 гг., т. I, СПб., 1894, стр. 271—272.

Изображение всадников на пишкинских скалах.

Изображение всадников и верблюдов на пишкинских скалах.

Султаны с подшейными кистями были широко распространены у кочевников и позже — вплоть до современности.¹

Они имели, как справедливо указывал В. В. Стасов, магический характер, будучи талисманами-оберегами, но, вместе с тем, означали и выдающееся общественное положение их владельцев.² По мнению М. И. Ростовцева, на античных росписях керченских склепов «размерами кисти или самой кистью обозначался высокий ранг изображаемого лица». ³ Такое предположение подтверждается для более позднего времени сведениями об употреблении подшейных кистей у сельджуков в качестве знака особо отличившихся знатных воинов: «бахадурь и алпы, проявившие себя на войне подвигами, уничтожившие неприятельские отряды, награждались султаном; к шее лошади подвязывали „кутас“ — хвост яка, вделанный в золотое украшение; так алпы выделялись среди рядовых воинов».⁴

Подчеркнутая тщательность и забота, с которой вырисованы на ленских скалах фигуры самих лошадей, переданы их формы и движения, обрисованы детали их пышного убора, заставляют вспомнить о тех боевых лошадях, личные имена которых сохранились до нашего времени на могильных памятниках древнетюркских ханов из долины Орхона, или о семи любимых конях их современника, воинственного императора Танской династии Тайцзуна, портреты изображенных на его могиле с мельчайшими деталями сбруи и походного вооружения.⁵

Кони ленских наскальных изображений, несомненно, тоже были боевыми товарищами своих владельцев, соучастниками их военных подвигов и славы. Они, вероятно, тоже имели свои громкие имена и почетные прозвища, как отмеченный в надмогильной стеле в честь Кюль-Тегина белый жеребец Байырку, пострадавший во время битвы с кыргызами в Черни Сунга, как другой его белый конь Алп-Шалчи, конь Огсиз или те три коня, о которых упоминается в рассказе о битве Кюль-Тегина с китайским полководцем Чача-Сенгуном: «Когда ему, Кюль-Тегину, наступил 21 год, мы сразились с Чача-Сенгуном. Кюль-Тегин повел атаку, сев на своего светлосерого коня Тадьк-Чура; этот конь там пал. Он пересел на светлосерого коня Ышбара Ямтар, и этот конь там пал. В третий раз он вскочил на уступленного ему оседланного гнедого коня Йегин-Силиг бега и бросился в атаку, но и этот конь там пал».⁶

Особое положение коня, являющегося участником подвигов своего хозяина, отражено и в современных эпических произведениях тюрко-

¹ В. В. Стасов, там же.

² Там же.

³ М. И. Ростовцев. Античная декоративная живопись на юге России. СПб., 1913 (текст), стр. 310.

⁴ В. Гордлевский. Государство сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941, стр. 153.

⁵ Sirén Oswald. Histoire des Arts anciens de la Chine, III. La Sculpture de l'époque Han a l'époque Ming. 193, стр. 68—69, табл. 93.

⁶ Е. Г. Грум-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II, стр. 310; П. М. Мелиоранский. Памятник в честь Кюль-Тегина. Записки Восточного отделения Русского Археологического общества, т. XII, вып. II и III, СПб., 1899, стр. 72.

монгольских племен Сибири. Конь в них является верным другом своего хозяина, выручающим его из беды, храбрым товарищем в битвах и умным советчиком, указывающим, как следует поступать в трудных случаях, и предупреждающим его об опасностях.

Кроме того, наименование масти коня входит даже и в прозвание его владельца. В алтайских былинах упоминаются, например, «богатырь Тас, имеющий бело-саврасого коня», «богатырь Кара-Мас, у которого вороной конь с обратной шерстью», горный дух, едущий «верхом на сине-сивом коне», «богатырь Ай-Долай на бело-голубом коне с золотой шерстью».¹ Такая роль боевого коня в жизни степных племен нашла отражение и в позднейшем эпическом творчестве народов Сибири.

В бурятском эпосе конь героя спускается с неба или рождается по определению богов; он воспитывает сироту — будущего героя, а разум его иногда больше, чем у самого хозяина.²

В якутском эпосе конский скот вообще имеет небесное происхождение. Богатырские же кони посылаются божеством конского скота Джесегеем их владельцам из страны солнца, с верхнего мира. В критические моменты они говорят на языке ураанхай-сахаларов и помогают богатырям своими мудрыми советами. Эти богатырские кони вообще одарены волшебными свойствами и особыми интеллектуальными качествами.³

Особое назначение и роль боевых коней, изображенных на писаницах, отражается и на их внешнем облике, определяя его общий характер — экстерьер. Художник всегда стремился передать черты особой породы, облик рыцарского коня, предназначенного не для повседневной трудовой жизни степного скотовода, а для военных дел, для рыцарских забав и утех. Перед его глазами стояли высокие кони с маленькой горбоносой головой, посаженной на круто выгнутой лебединой шее, кони с сильной грудью и тонкими сухими ногами неутомимого скакуна.

Своеобразная стилизация конских фигур в писаницах еще более усиливает эти реальные черты, — показывает их в подчеркнутом виде и нередко обостряет почти до гротеска.

В общей стилизации ленских наскальных рисунков имеется поэтому много совпадений с характерными приемами изображения лошадей в феодальном византийском и древнерусском искусстве. Кони древнерусских икон, византийской живописи и миниатюр сближаются с лошадьми курыканских писаниц своей подчеркнутой хрупкостью и изысканно-манерным аристократическим изяществом общих очертаний, в особенности же круто выгнутыми «лебедиными» шеями.

Но, при всем этом, кони ленских писаниц все же вызывают в памяти облик вполне реальной большой разновидности лошадей. Как известно,

¹ Алтайский эпос «Когутэй». Academia, 1935, стр. 175.

² Г. Д. Санжеев. Эпос северных бурят. (См.: «Алажи-Мэрген». Бурятский эпос. Academia, 1936, стр. XVIII)

³ Сборник трудов Исследовательского общества Саха-Кескиме, вып. 1, 1927, Якутск, 1927, стр. 117—118.

иппологи делят лошадей, в соответствии с их физиологическими и конституционными признаками, на две большие группы.

В первую группу входят «лошади быстрых аллюров» (верховые кони, скакуны и рысаки), во вторую — «лошади шага» (тяжеловозы, рабочие кони). В основе такого деления лежат их физиологические различия: лошади первого типа обладают «горячей кровью»; их пульс бьется чаще, дыхание быстрее, температура выше, кровь их гуще, богаче красными тельцами; у лошадей «хладнокровных» температура ниже на 0.4° , пульс вместо 30—40 дает 33—35 ударов, дыхание ограничивается 9—11 вдохами и выдохами в минуту вместо 12—14.¹

Родина коней с горячей кровью — в Азии и Африке, в местностях сухого и теплою климата со скудными сухими пастбищами.

Лошадь пустыни, отличающаяся от всех других своим пылким и нервным темпераментом, по словам специалистов, представляет «ценнейший тип, передававшийся, как драгоценность, от одной цивилизации к другой, от одного культурного народа к другому».²

Именно такую лошадь — этот идеальный образ боевого коня в глазах воинственных степняков, лучшего скакуна в мире — вероятно и имели в виду мастера ленских писаниц курыканского времени.

Нельзя не отметить поэтому замечательного совпадения лошадей ленских писаниц с образом богатырского коня в казахском эпосе. Обращаясь к своему коню Тарлану, богатырь Ер-Таргын, например, восклицает:

Ты мой короткозапястый конь,
Узкопоясничный конь,
Мой широкогрудый конь,
Высокоголовый конь.³

Все, без исключения, перечисленные здесь черты богатырского коня характерны и для лошадей, изображенных на ленских скалах.

Но эти кони, одетые в пышный убор с кистями и султанами, не могли, разумеется, принадлежать рядовым общинникам, простым смертным. Они, несомненно, принадлежали только небольшому аристократическому слою местного населения, той «благородной» верхушке древнего общества, чьим основным занятием были пиры, охота и война; чья жизнь протекала и часто заканчивалась, как это было у древних тюрков на Енисее и в Монголии, на полях сражений или в борьбе с диким зверем во время охоты.

Неудивительно поэтому, что на ленских скалах встречаются не только отдельные фигуры конных воинов, но и тщательно выполненные композиции, изображающие сцены военных действий и охоты.

На одном рисунке изображена, например, группа пеших воинов, поднявших руки вверх, и воин, стреляющий в них из лука. На другом рисунке видно, как всадник со знаменем в руке гонит перед собой двугорбых

¹ Кулешов и Новиков. Коневодство. М.—Л., 1933, стр. 49.

² Н. А. Юрасов. Разведение лошадей. (См.: Книга о лошади. Сельхозгиз, 1933, стр. 47).

³ Песни степей. Антология казахской литературы. М., 1940, стр. 56.

верблюдов, может быть изображающих отогнанное от врагов стадо (рис. 2). На третьем рисунке всадники скачут за сохатыми, стремясь набросить арканы-лассо на их широко разветвленные рога.

В особенности важна для понимания социально-политических отношений у курьяканов такая деталь шишкинских писаниц, как знамя, находящееся в руках некоторых всадников (рис. 2).

Знамена всегда изображены здесь в виде четырехугольников, почти квадратов, перпендикулярно прикрепленных на конце длинного прямого древка. Сбоку от них отходят три поперечных линии, вероятно изображающих три хвоста знамени, которые должны были развеяться по ветру. Знамена, несомненно, были изготовлены из прямоугольных полотнищ какой-то материи. Размер их, судя по соотношению отдельных частей всего рисунка, был относительно небольшим, не более метра.

Древнейшие знамена степных племен имели, подобно переднеазиатским,¹ иной вид. Это были фигурные изделия из меди и бронзы, характерные для скифской культуры Восточной Европы и одновременных ей степных культур Центральной Азии — вплоть до Ордоса и Северного Китая, — так называемые «навершия», изображающие различных животных и, в очень редких случаях, человека.²

Таковыми были и знамена орхонских тюрков. Из китайских источников известно, что знамена тюрков имели вид сделанной из золота волчьей головы, так как волк считался предком-тотемом тюркского племени. Китайцы сообщали о правящем роде тюрков, что он произошел от волчицы, в числе детей которой был Ашина — «человек с великими способностями, и он был признан государем: почему он над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой в воспоминание своего происхождения».³

«Волчьи» знамена древних тюрков представляли, повидимому, такие же фигурные штандарты, как знамена с головой дракона в сасанидском Иране или с орлами у римлян.

Но, наряду с металлическими фигурными штандартами, у различных народов Азии существовали и матерчатые флаги, вполне аналогичные изображениям на ленских скалах. У тех же иранцев были войсковые знамена из материи с развевающимися на них вырезами-хвостами. Они видны, например, на серебряном блюде, найденном в 1909 г. у д. Аниковой Чердынского уезда Пермской губернии, изображающем, как полагают исследователи, занятие крепости иранцами и внесение в нее священного огня.⁴

¹ F. Sarre. Die Altorientalische Feldzeichen mit besonderer Berücksichtigung eines unveröffentlichten Stückes. Klio, III, 1903.

² М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Пгр., 1918; Н. Толстой и Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. II, стр. 32—93—94; вып. III, стр. 40.

³ G. S. Andersson. Der Weg über die Steppen. Bull. Museum of Far Eastern Antiquities, Stockholm, 1929; он же. Hunting Magic in the Animal Style, Ibid., 1932, pl. 8, pl. XXX, 1—2. З. Иакинф Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. I, стр. 257, 269; В. А. Панов. К истории народов Средней Азии. Сюн-ну (хунн) китайских летописей. Владивосток, 1916.

⁴ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Л., 1935, табл. 20.

Наиболее ранние сведения о матерчатых знаменах арабов относятся к V в. н. э., когда знамя корейшитов в Мекке имело вид куска белой ткани, привязанного к копыю. Глава корейшитов имел права охраны храма, обслуживания храма, председательствования в совете и поднятия знамени. Позднейшие арабские знамена хорошо известны по данным различных авторов. Они назывались «лива» и «райа». Знамена эти преимущественно были черного и белого цвета, но в различных случаях и у разных племен употреблялись знамена различных цветов. Полотнища древнейших знамен имели прямоугольную форму.¹

Матерчатые знамена черного цвета имели соседи иранцев, тагазгазы или тогуз-гуры в X в. н. э. и, повидимому, печенеги. В 1090 г. н. э. византийцы, уничтожив печенегов, «перерядились в печенежское платье, снятое с пленных и убитых, сели на печенежских лошадях, взяли их знамена и сделались до того похожи на печенегов, что могли испугаться самих себя».²

О енисейских кыргызах в китайских источниках сказано, что они «на войне употребляют луки со стрелами и знамена».³ Кыргызские знамена известны были и арабам. Абу-Долеф, арабский путешественник, от которого мы узнаем и о знаменах тагазгазов, сообщает: «знамена у них зеленого цвета».⁴

До нас дошли также подлинные рисунки кыргызских знамен того времени. На Соляной Горе в Сулеке (к западу от Батеней на Енисее, выше Красноярска) сохранилось выгравированное на камне изображение конного воина в кольчуге и шлеме, с длинным копьём, на конце которого видно прямоугольное знамя с двумя хвостами.⁵

На другом наскальном рисунке в Сулеке с «Писаной Горы» изображен скачущий во весь опор всадник. В одной руке у него повод, в другой — копьё с двумя флажками, может быть обозначающими в схематической форме те же самые хвосты.⁶

Если на этих рисунках, в особенности на втором, изображены скорее индивидуальные значки — флаги воинов, то настоящие знамена в виде широких прямоугольных полотнищ изображены на замечательном каменном изваянии «кижи-таш» или «каджи-таш», находящемся вблизи устья р. Аскыз в Минусинском крае. По словам Пестова, «на одном боку изваяния видны были изображения двух человек, из которых один на лошади, в руке держит копьё со значком, разделенным на три лопасти, другой — пеший,

¹ М. М. Гирс. К вопросу об арабских знаменах. Записки Коллегии востоковедов, т. V, стр. 343—356.

² В. Василевский. Византия и печенеги. ЖМНП, 1872, декабрь, стр. 254.

³ И. Бичурин. Собрание сведений..., ч. I, стр. 445.

⁴ Григорьев. Об арабском путешественнике X в. Абу-Долефе и странствованиях его по Средней Азии. ЖМНП, 1872, сентябрь, стр. 32—33, 34.

⁵ И. Т. Савенков. О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее, табл. VIII, рис. XVI-4.

⁶ Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Briefe und Bildmaterial von J. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei. 1887—1889. Herausgegeben von Hjalmar Appelgren — Kivalo, Helsingfors, 1931, abb. 93: abb. 31.

с огромным луком, за ним стоит двугорбый верблюд. На левом боку, против самой головы, копье с таким же значком».¹

Из приведенных примеров видно, что по своей форме ленские знамена входили в число обычных военных знамен Центральной и Средней Азии средневековой эпохи, обнаруживая притом наибольшее внешнее сходство с знаменами енисейских кыргызов.

Одинаковым было, конечно, и их значение. У всех азиатских народов знамя окружалось религиозным ореолом, пользовалось глубоким культовым почитанием.

Об уйгурском хане Гэлэ Мояньчжо китайцы писали, что он, «гордясь силою, выставил войско, подвел посла Дзы-и поклониться волчьему знамени».²

Такой обряд сохранялся у потомков монгольских завоевателей в Средней Азии до конца XV — начала XVI в. Сохранилось замечательное по точности описание подобного обряда, совершенного в 1502 г. между Пскентом и Самсиреком.³

Даже у арабов, где до ислама и при жизни Мухаммеда, по мнению М. М. Гирса, знамя не имело особого государственного и культового значения, «по мере развития военного дела, знамя, служившее ранее лишь знаком войскового объединения, начинает приобретать значение символа, с которым связана какими-то нитями судьба воинов, защита знамени становится вопросом чести и, наконец, после смерти пророка знамя начинает почитаться, как реликвия».⁴

Знаменам приносили в древности, очевидно, даже кровавые жертвы, в том числе человеческие. Так, по монгольскому преданию, черному зна-

¹ И. Пестов. Записки о Восточной Сибири. М., 1883; Спасский. О достопримечательнейших памятниках сибирских древностей и сходстве некоторых из них с великорусскими. Записки РГО, кн. XII, СПб., 1857, стр. 124, табл. I, рис. 4; М. П. Грязнов и Е. Р. Шнейдер. Древние изваяния Минусинских степей. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2, Л., 1929, табл. VII, рис. 68, стр. 85; П. С. Паллас. Путешествие по различным провинциям Российского государства, I, ч. 3, стр. 501; Н. И. Попов. О каменных бабах Минусинского края. Известия Восточно-Сибирского отдела. РГО, II, № 4, 1871, Иркутск, 1872, стр. 60.

² И. Бичурин. Собрание сведений..., I, стр. 386.

³ «По монгольскому обычаю заколодали знамена. Хан сошел с коня. Перед ханом водрузили девять бунчуков («тугу»). Один монгол, привязав длинную белую бязь к средней бычачьей мозговой кости, взял [ее] в руку, а другой [монгол], привязав три куска длинной бязи к трем бунчукам пониже хвостов («кутас»), пропустил [их] под бунчучными древками. На край одной бязи ступил хан; на край другой бязи, привязанной к бунчуку, я вступил — султан Мухаммед-Ханикэ [сын хана].

«Тот монгол, который эти куски привязал, взяв в руку обязанную бязью среднюю бычачью мозговую кость, произнося что-то по-монгольски, обратившись к бунчукам, делает знаки. Хан и все присутствующие брызгают кумысом («кумызлор») в сторону бунчуков. Один раз играют на всех гобоях («нефир») и барабанах («накар»). Все стоящие в строю войны издают один раз боевой клич («суран»). Трижды так проделывают. После этого, сев на коней и кликнув боевой клич, все это войско мчится вдаль. Среди монголов установления («тузуку») Чингиз-хана держатся поныне точно так, как Чингиз-хан их создал и оставил» (Живая старина, 1911, вып. III—IV, СПб., 1912, стр. 431—432).

⁴ М. М. Гирс. К вопросу об арабских знаменах. Записки Коллегии востоковедов, т. V, 1930, стр. 357.

мени Шидырвана, погибшего в борьбе с китайцами, «прежде приносили в жертву людей, а ныне приносят скот».¹

В халха-монгольских былинах рассказывается, что царь драконов приказал принести захваченных им богатырей в жертву своему черному знамени.²

Культ знамени имел основания в том, что оно мыслилось как талисман, в котором обитает дух-покровитель племени, находится могущественная сила, от которой зависит не только тот или иной военный успех, но и самое существование данного племени.

По словам Д. Банзарова, «монголы приписывают особе царя нечто божественное, какое-то особенное могущество, которое невидимо хранит его подданных, и это качество называется „сулдэ“». Материальным воплощением монгольского сулдэ служило царское знамя, прежде всего знамя самого основателя правящей в империи династии Чингиса, состоявшее из девяти бунчугов, называвшихся «сулдэ».³

Знамя имело, следовательно, значение священного фетиша племенного объединения, вокруг которого концентрировались все члены данного племени.

Знамя как священная реликвия, как вещественный символ общеплеменного или родового объединения, с одной стороны, и знамя как символ достоинства вождя и его титула, с другой, были неразрывно связаны друг с другом. Без знамени не могло быть вождя или хана.

Мы уже видели, что по сведениям китайских летописей, опиравшихся на предания самого тюркского народа, его прародитель и первый государь Ашина выставил знамя с волчьей головой над воротами своей ставки после того, как «признан был государем». О государе хакасов, Ажо, китайцы писали, что именно у него водружено знамя.⁴

В рассказе о гибели уйгурского государства сам кыргызский хан говорит, обращаясь к своему противнику, уйгурскому хану: «Твоя судьба кончилась. Я скоро возьму Золотую орду, поставлю перед нею моего коня, водружу мое знамя».⁵

Тот же образ знамени как символа власти хана содержится и в рассказе Абуль-Гази о поражении джагатайцев под Самаркандом: «Всевышний Господь возвысил руку Берке-Султана, а знамя Мазайяд Аргуна урони», — пишет Абуль-Гази.⁶

О таком же значении знамени у казахов, например, можно судить по рассказам, записанным в свое время Левшиным, который сообщает, что каждый род имел прежде большое знамя и каждое отделение свой значок,

¹ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 308.

² Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 118.

³ Д. Банзаров. Черная вера или шаманство у монголов, стр. 29.

⁴ И. Бичурин. Собрание сведений..., I, стр. 445.

⁵ W. Schott. Über die ächten Kirgisen. Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, 1864, 4, стр. 4, 433—435; И. Бичурин. Собрание сведений..., I, стр. 449.

⁶ Абуль-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906, стр. 165.

«которые все тщательно сохранялись в мирное время и вывозились только на войну; но не на баранты». Сражавшиеся делали себе значки одинакового цвета с главным знаменем и навязывали себе на руки платки, ленты или нашивали лоскутья из материи такого же цвета. Хранителем главного знамени в походах избирался один из почтеннейших султанов или старшин, который после главного начальника был первым липом.¹

Утрата знамени была поэтому подлинной катастрофой. Такая катастрофа случилась, например, с теми же казахами, которые во время одной неудачной битвы потеряли свои знамена. После этого они знамен уже не имели.

Казахи были разбиты ханом Рашидом у Иртыша или на Иссык-куле и потеряли девять или шесть своих знамен.²

Обладание знаменем было не только внешним выражением единства племени или главным признаком общеплеменной власти, но и непременным условием последней, священной гарантией влияния и господства вождя над всеми остальными членами этого объединения.

В монголо-ойратских былинах Красный Мангус видит зловещий сон, о котором рассказывает: «Будто запрыгали мои легкие и сердце. Черное знамя мое покривилось и будто завладели всеми моими стадами и подданными. Увидел я, как мучают моих верблюдов, как заставляют юрта за юртой кочевать народ мой».³

Представление о связи, существовавшей между знаменем самого Чингиса и его ханским достоинством, нашло яркое выражение в позднейшем монгольском фольклоре. Г. Н. Потанин записал джурбютское предание о дочери Чингис-хана, которая при своем отъезде к мужу пожелала получить в приданое белое небесное знамя, «тэнгриин цаган тук», своего отца. «Чингис, — говорит предание, — отказал ей, сказав, что он хан, властитель, и не может отказаться от признака своей власти. Тогда дочь украла знамя и ушла».⁴

Неразрывная связь ханского или княжеского достоинства с знаменем отражена и в фольклоре степных племен, отделенных от Халхи тысячами километров.

Фарфоровский пишет о «трухменах» Ставропольской губернии: «у трухмен были два брата богатыри Берек и Эксельбай. Во время междоусобиц, возникших среди калмыков из-за неправильного наследования престола, Берек вступает за обойденного старшего брата — сына умершего калмыцкого хана. Берек один выходит против воинов, окружавших младшего калмыцкого князя. Он пробрался сквозь ряды калмыков и выхватил из рук калмыцкого князя знамя — знак княжеской власти. Знамя

¹ А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. III, стр. 52—54.

² В. В. Бартольд. Киргизы. Исторический очерк. Фрунзе, 1929, стр. 38.

³ Б. Я. Владимиров. Монголо-ойратский героический эпос, стр. 70.

⁴ Г. Н. Потанин. Очерки северо-западной Монголии, вып. IV, стр. 324—325; Он же. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе, стр. 804, 847.

это было прислано из Тибета. Оно обоготворялось народом. Знамя Берек возвратил старшему брату, который и сделался князем».¹

Знамя, естественно, сопутствовало вождям-военачальникам в битвах. Марко Поло, например, описывая восстание Наяна против Хубилая, особо отмечает, что перед боем «высоко поднялось его, Наяново, знамя».² Знамя сопровождало вождей и в последний путь — к могиле.

Ибн-Фадлан слышал, что у сакалибов знатных погребали в сопровождении знамени. «После обмывания покойника, — рассказывает путешественник, — везут его на повозке, которая тащит его понемногу вместе со знаменем, пока не придут с ним к месту, в котором похоронят его». После похорон «жителям надлежит водружать на дверях его палатки знамя. Они приносят его оружие и кладут вокруг его могилы и не прекращают плача два года. Когда же закончатся два года, они снимают знамя и отрезают часть от своих волос, и родственники мертвого созывают знатный пир, посредством которого дается знать об окончании их печали, и если у него была жена, то она выходит замуж. Это так происходит, если он был из числа главарей». Обыкновенных людей хоронили иначе, без знамен и сложных обрядов.³

Аналогичная роль знамени в погребальном обряде отмечена и в недавнем прошлом у киргизов. Во время байги по случаю смерти одного из манапов юрта покойного была отмечена стягом, а затем юрта и стяг были перевезены на место поминальных торжеств.¹

Такое значение знамени в погребальном ритуале заслуживает особого внимания в связи с ленскими наскальными рисунками, изображающими всадников с знаменами в руках, так как последние могли быть изображениями умерших вождей, соответствуя традиционным культовым фигурам — куклам или болванам, изображающим покойного вскоре после кончины в качестве вместилища его души.

В свете приведенных данных не остается сомнения в том, что знамя у всадников на пишкинских рисунках служит прямым указанием на их общественное положение и политическую роль. Гордые всадники, знаменосцы верхнеленских писаниц, являются или реальными, земными, или уже обожествленными, умершими, военно-аристократическими вождями родов и племен курыканского народа, предводителями его боевых дружин и властителями.

¹ С. В. Фарфоровский. Трухмены [туркмены] Ставропольской губернии. Известия Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете, XXVII, вып. 3, 1911, стр. 186.

² Марко Поло. Путешествие. Л., 1940, стр. 78.

³ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 77. K. Szegledy—J. Harmatta. Ibn Fadlan über die Bestattung bei den Wolga-Bulgaren. Archaeologiai Értesítő, series III, vol. VII—VIII—IX (1946—1948), Budapest, 1948, стр. 362—382.

⁴ С. Е. Дмитриев. Байга у кара-киргизов по случаю смерти манапа Шабдана Джантаева в Пишпекском уезде. Журналы заседаний Отделения этнографии РГО, заседание 18 января 1913 г. Живая Старина, 1913, вып. I—II, стр. XXX.

Можно, следовательно, сделать вывод, что у курыканов на Лене существовало общество, разделенное на два основных слоя: массу, демос — внизу и аристократов — наверху общественной пирамиды. Существование у них такого аристократического строя является вполне естественным, если учесть не только общий уровень хозяйственного развития, но и весь облик этой культуры и связи ее носителей с внешним миром, определяющиеся положением их среди остальных племен.

Во всяком случае, обитателей Прибайкалья этого времени нельзя рассматривать вне связи с окружавшими их обществами той поры и государственными образованиями, вне общих рамок политического и культурного развития народов Азии, обитавших как восточнее Байкала, так и западнее Енисея.

Их страна вовсе не была глухим и диким захолустьем своего времени: культурный пульс ее бился в унисон с культурной жизнью других ее тюркских соседей, это был форпост передовой для той эпохи в Сибири культуры.
